Научная статья
УДК 1(091):165.7

# ОТ REGULAE К MEDITATIONES: ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДА И МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ У ДЕКАРТА

**Кравченко Алексей Леонидович, кандидат философских наук, ассистент, Университет Дубна, Россия, Дубна, kravchenko.a@yandex.ru**

**Аннотация.** В статье исследуется изменение эпистемологических оснований картезианского метода от «Правил для руководства ума» до «Размышлений о первой философии» и «Начал философии». Рассматривается характер преемственности между ранней концепцией рационального познания, основанной на интеллектуальной интуиции и дедукции, и зрелой метафизикой, связывающей достоверность знания с природой мыслящего субъекта и существованием Бога. Источниковую основу составляют произведения Декарта, его переписка с Мерсенном и возражения современников. Посредством историко-философской реконструкции и сравнительного анализа устанавливаются различия между непосредственной очевидностью познавательного акта и метафизическим обоснованием истинности ясных и отчётливых восприятий. Особое внимание уделено учению о простых природах, mathesis universalis, доктрине сотворённости вечных истин, положению cogito и проблеме картезианского круга. Обосновано, что переход к первой философии не сопровождался отказом от первоначальных познавательных операций, но изменил характер их философского обоснования. Если ранний метод определял условия правильного движения мысли от простого к сложному, то зрелая концепция потребовала объяснить, почему результаты такого движения могут считаться истинными. Уточнены историко-философское содержание данной трансформации и границы преемственности между Regulae и Meditationes.

**Ключевые слова:** Рене Декарт, история философии, картезианство,

эпистемология, метод, первая философия, интеллектуальная интуиция, дедукция, mathesis universalis, cogito, ясность и отчётливость, вечные истины, картезианский круг.

Original article

# FROM REGULAE TO MEDITATIONES: THE TRANSFORMATION OF METHOD AND THE METAPHYSICAL GROUNDING OF CERTAINTY IN DESCARTES

**Kravchenko Aleksei Leonidovich, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant, Dubna State University, Dubna, Russia, kravchenko.a@yandex.ru**

**Abstract.** The article examines the development of the epistemological foundations of Descartes' method from the Rules for the Direction of the Mind to the Meditations on First Philosophy and the Principles of Philosophy. It focuses on the continuity between the early account of rational inquiry, grounded in intellectual intuition and deduction, and the mature metaphysical project, which connects the certainty of knowledge with the thinking subject and the existence of God. The study draws on Descartes' philosophical works, his correspondence with Marin Mersenne, and contemporary objections to his arguments. Historical-philosophical reconstruction and comparative textual analysis are employed to distinguish the immediate certainty of intellectual perception from the metaphysical justification of clear and distinct knowledge. Particular attention is given to simple natures, mathesis universalis, the creation of eternal truths, the cogito, and the Cartesian Circle. The study argues that Descartes' transition to first philosophy did not entail abandoning the cognitive operations characteristic of his early writings. Instead, it changed the philosophical task assigned to them. Whereas the early method established the proper order of rational inquiry, the mature project sought to justify the truth of its results. This interpretation clarifies the relationship between methodological continuity and metaphysical transformation in Cartesian philosophy.

**Keywords:** René Descartes, history of philosophy, Cartesianism, epistemology, method, first philosophy, intellectual intuition, deduction, mathesis universalis, cogito, clear and distinct perception, eternal truths, Cartesian Circle.

**Введение.** Проблема соотношения ранней методологии и зрелой метафизики Рене Декарта занимает существенное место в исследованиях философии Нового времени. В «Правилах для руководства ума» (Regulae ad directionem ingenii) достоверность связывается с правильным осуществлением интеллектуальной интуиции и дедукции. В «Размышлениях о первой философии» (Meditationes de prima philosophia) предметом специального исследования становятся основания, позволяющие считать результаты рационального познания истинными. Различие этих задач нередко трактуется как свидетельство перехода от методологического рационализма к метафизической концепции знания. Однако подобное истолкование требует уточнения, поскольку позднейшая философия Декарта сохраняет значительную часть первоначальных требований к деятельности разума.

Становление картезианского метода происходило в условиях пересмотра схоластической традиции и развития математического естествознания первой половины XVII в. Геометрическое доказательство представлялось Декарту образцом достоверного рассуждения, позволяющего устанавливать необходимые связи независимо от изменчивых свидетельств чувств. Первоначально философ стремился определить порядок познавательных действий, обеспечивающий переход от простых содержаний к сложным. Вместе с тем успешность таких операций ещё не устраняла вопроса о соответствии интеллектуальной очевидности действительному положению вещей. Последующая метафизическая программа обращается именно к этому затруднению.

Особое значение для изучения рассматриваемого перехода имеет переписка Декарта с Мареном Мерсенном весной 1630 г. Сформулированное в

ней учение о сотворённости вечных истин позволяет установить, что метафизические вопросы возникают до создания «Размышлений». Следовательно, развитие картезианской философии нельзя описать как внезапное обращение к метафизике после завершения ранних методологических поисков. Необходимо выяснить, каким образом изменение представлений о происхождении математической необходимости повлияло на обоснование интеллектуальной достоверности.

Актуальность данной проблемы подтверждается современными историко-философскими исследованиями. А. Гатто рассматривает незавершённость Regulae в связи с доктриной вечных истин, подчёркивая, что последующее метафизическое развитие не означало полного отказа от первоначального проекта [1]. Дж. Целлмер, в свою очередь, исследует внутренние условия достоверности дедукции, что позволяет точнее определить содержание раннего метода [3]. Сопоставление этих подходов обнаруживает необходимость разграничить правильность познавательных операций и основания истинности получаемого знания.

Объектом исследования выступает философия Декарта в её развитии от конца 1620-х до середины 1640-х гг. Предмет исследования составляет изменение отношений между интеллектуальной очевидностью, методическими процедурами и метафизическими основаниями достоверности. Цель работы заключается в установлении характера преемственности между ранней концепцией рационального познания и зрелой картезианской метафизикой.

Исходная гипотеза состоит в том, что основное изменение затронуло не состав познавательных операций, а функцию метода в общей системе философии. Первоначально он определял способы достижения достоверного знания; позднее возникла необходимость обосновать способность человеческого разума достигать истины. Научная новизна исследования связана с разграничением непосредственной достоверности интеллектуального акта и метафизического обоснования общего правила истинности ясных и отчётливых

восприятий. Такое различие позволяет объяснить преемственность между Regulae и Meditationes с учётом существенных изменений картезианской аргументации.

**Обзор литературы.** Современные исследования картезианской философии позволяют рассматривать развитие метода за пределами привычного противопоставления математического рационализма и метафизики. В работе А. Гатто незавершённость Regulae связывается с необходимостью пересмотреть основания ранней эпистемологии после формулирования учения о сотворённости вечных истин [1]. Автор показывает, что доктрина 1630 г. создала предпосылки для изменения метафизических оснований первоначального проекта, причём это изменение не требовало отказа от ранее разработанных познавательных процедур. Данный вывод имеет принципиальное значение для определения характера преемственности между ранними и зрелыми произведениями.

Д. М. Федяев и Н. Д. Федяева исследуют содержание четвёртого правила Декарта, обращая внимание на особенности его понимания универсального метода и рациональной очевидности [2]. Их работа позволяет точнее определить отношение математического образца к общим требованиям научного познания. Дж. Целлмер рассматривает условия сохранения достоверности при дедуктивном рассуждении [3]. Установленная им зависимость надёжности дедукции от сложности интеллектуальных переходов и участия памяти показывает, что ранний метод не сводился к формальным правилам вывода. Существенное значение имела способность исследователя непосредственно удерживать необходимые отношения между положениями.

В исследовании А. Г. Корниенко картезианский метод рассматривается в связи с формированием рациональной деятельности субъекта [4]. Такой подход раскрывает роль деятельности субъекта в первоначальной программе, но не снимает вопроса о её метафизических предпосылках. Я. Томида, исследуя естественно-научную составляющую «Размышлений», показывает

ограниченность их истолкования как исключительно дедуктивной системы, полностью отделённой от конкретного научного знания [5]. Отсюда следует, что появление первой философии не означало устранения первоначальных исследовательских задач, связанных с изучением природы.

Проблема мыслящего субъекта затрагивается А. И. Желниным при анализе отношений интеллекта, сознания и психики [6]. Для историко-философского рассмотрения Декарта особое значение имеет различие между интеллектуальной деятельностью и более широким содержанием cogitatio. Дж. Аззуни исследует трудности различения актуального ясного восприятия и воспоминания о ранее совершённом познавательном акте [7]. Его аргументация позволяет уточнить проблему картезианского круга, поскольку достоверность текущего интеллектуального усмотрения и сохранение знания после прекращения непосредственного рассмотрения не обязательно имеют одинаковые основания.

Исследование К. В. Кянганена, посвящённое критике картезианской модели психического в философской антропологии Х. Плеснера, показывает необходимость различать первоначальное содержание учения Декарта и его последующие интерпретации [8]. С. Твейман рассматривает аналитическую форму «Размышлений» как особый способ движения от сомнения к первоначальной достоверности [9]. Ф. Моралес Карбонелль и Р. Гонсалес раскрывают значение практического знания в картезианской философии, предостерегая от сведения всех форм разумной деятельности к требованию совершенной теоретической очевидности [10]. М. Ленц обращает внимание на историографические ограничения представления о картезианстве как об учении исключительно изолированного сознания [11].

При различии поставленных задач рассмотренные исследования обнаруживают общую проблему. Условия непосредственной интеллектуальной достоверности, метафизические предпосылки истинности и историческая последовательность их разработки зачастую изучаются раздельно. В результате остаётся недостаточно прояснённым, изменяется ли у Декарта сам метод

познания или преимущественно основания доверия к его результатам. Решение данного вопроса требует сопоставления первоначальных произведений с перепиской 1630 г. и аргументацией «Размышлений», причём терминологическая преемственность должна рассматриваться вместе с изменением функций соответствующих понятий.

**Материалы и методы исследования.** Источниковую основу составляют Regulae ad directionem ingenii, переписка Декарта с Мерсенном от 15 апреля и 6 мая 1630 г., «Рассуждение о методе» (Discours de la méthode, 1637), «Размышления о первой философии» (1641), возражения современников и ответы философа, а также первая часть «Начал философии» (Principia philosophiae, 1644). При установлении текстовых соответствий используется традиционная пагинация критического издания Ш. Адана и П. Таннери (Œuvres de Descartes, далее — AT). Исторические произведения XVII в. рассматриваются как первоисточники; библиографический корпус современной исследовательской литературы ограничен публикациями 2024–2026 гг.

Основным методом выступает историко-философская реконструкция, позволяющая установить последовательность изменения картезианской проблематики. Сравнительный анализ применяется для сопоставления интеллектуальных операций, описанных в Regulae, с познавательными процедурами Meditationes. Исследование понятий intuitus, deductio, evidentia, cogitatio, substantia и clara et distincta perceptio направлено на определение не только их терминологического значения, но и роли в философской аргументации соответствующего периода.

Особое внимание уделено различию между методом интеллектуальной интуиции и дедукции, аналитическим способом изложения, методическим сомнением и порядком доказательства. Эти процедуры связаны между собой, но не могут рассматриваться как взаимозаменяемые. Поскольку датировка диалога «Разыскание истины посредством естественного света» остаётся спорной, он не рассматривается как свидетельство точно установленного промежуточного этапа

философского развития Декарта.

Методологическим ограничением исследования выступает необходимость различать хронологическую последовательность возникновения положений и их логическую зависимость в зрелой системе. Более позднее метафизическое обоснование познавательной операции не свидетельствует о её отсутствии в первоначальной методологии. Достоверность историко-философских выводов определяется согласованностью предлагаемой реконструкции с содержанием первоисточников и возможностью объяснить существенные различия между ними без предположения заранее заданного разрыва.

**Результаты исследования и их обсуждение.** Первоначальная картезианская методология направлена на определение условий, при которых правильное применение разума позволяет получать достоверное знание. В первом правиле Regulae Декарт характеризует назначение научных занятий как формирование способности выносить прочные и истинные суждения (AT X, 359–360). Решающее значение придаётся не накоплению отдельных сведений, а установлению порядка интеллектуальных действий, позволяющего избегать поспешных заключений. Такая постановка вопроса предполагает возможность достижения истины посредством правильно организованного мышления, однако ещё не содержит самостоятельного исследования метафизических оснований соответствующей способности.

В третьем правиле выделяются два основных способа достоверного познания — интеллектуальная интуиция (intuitus) и дедукция (deductio). Под интуицией понимается непосредственное усмотрение ясным и внимательным умом содержания, которое не оставляет оснований для сомнения (AT X, 368–370). В отличие от чувственного восприятия и деятельности воображения интеллектуальное усмотрение должно обладать определённостью, исключающей ошибочное истолкование предмета. Дедукция предполагает последовательный переход от уже известных положений к необходимым следствиям. Её достоверность зависит от непрерывности рассуждения и

способности удерживать связь между отдельными звеньями доказательства.

Существенное затруднение возникает при увеличении сложности дедуктивного процесса. Если разум перестаёт непосредственно воспринимать необходимую связь между положениями и вынужден полагаться на память о ранее установленных отношениях, достоверность рассуждения оказывается менее очевидной. Дж. Целлмер показывает, что Декарт учитывал не только число интеллектуальных переходов, но и сложность мыслительных операций, а также подготовленность самого исследователя [3]. Ранний метод поэтому нельзя считать исключительно формальной процедурой: его успешность связана с особенностями человеческой познавательной способности. В раннем методе преодоление этих затруднений связывается с совершенствованием интеллектуальных навыков.

Четвёртое правило вводит понятие mathesis universalis, раскрывающее универсальный характер картезианского метода (AT X, 373–379). Всеобщая математика не означает механического распространения арифметических операций на совокупность наук. Её предмет составляют порядок и мера, позволяющие устанавливать необходимые отношения независимо от особенностей исследуемых вещей. Математическое рассуждение служит образцом упорядоченного познания, при котором сложную задачу последовательно сводят к более простым элементам. Анализ четвёртого правила, проведённый Д. М. Федяевым и Н. Д. Федяевой, показывает, что содержание этого методологического требования не сводится к формальной универсальности математических процедур [2].

Учение о простых природах получает подробное изложение в двенадцатом правиле. Декарт различает интеллектуальные, материальные и общие простые природы, рассматривая их прежде всего в отношении к способности ума непосредственно постигать определённые содержания (AT X, 418–427). Простота здесь не обязательно означает онтологическую элементарность вещи. Она означает, что в рамках конкретной познавательной задачи предмет нельзя

разложить на более простые элементы. Поэтому переход от простых природ к сложным суждениям не следует отождествлять с последующим объяснением зависимости конечных субстанций от Бога. Первоначальная программа определяет порядок познания, тогда как зрелая метафизика обращается к основаниям существования и истинности.

Однако уже в Regulae обнаруживается положение, которое позднее приобретёт самостоятельное философское значение. Среди примеров непосредственного интеллектуального усмотрения Декарт упоминает достоверность собственного существования и мышления. Первоначально такое знание служит иллюстрацией интуитивной очевидности наряду с элементарными математическими положениями. В «Размышлениях» оно становится исходным основанием восстановления достоверного знания. Следовательно, историческое развитие картезианского cogito связано не столько с появлением ранее неизвестного содержания, сколько с изменением его функции в последовательности философского обоснования.

Незавершённость Regulae представляет особую проблему историко-философской интерпретации. Сам по себе незаконченный характер сочинения ещё не свидетельствует о несостоятельности разработанного метода. Однако последующая переписка Декарта обнаруживает появление вопросов, не получивших самостоятельного решения в первоначальной программе. В письмах к Мерсенну от 15 апреля и 6 мая 1630 г. философ формулирует учение о сотворённости Богом вечных истин (AT I, 145–153). Математические отношения, необходимые для человеческого разума, рассматриваются как зависящие от свободного божественного установления. Тем самым вопрос об интеллектуальной очевидности дополняется исследованием происхождения самой необходимости.

Данная доктрина существенно изменяет постановку эпистемологической проблемы. Если математические истины не существуют независимо от Бога, то непосредственная очевидность их содержания ещё не объясняет основание их

необходимости. Однако было бы неправомерным заключить, что признание сотворённости вечных истин разрушает первоначальный математический идеал. Декарт не утверждает возможности произвольного изменения необходимых отношений человеческим разумом. Для познающего субъекта они сохраняют обязательность, тогда как их метафизическое основание связывается с божественной волей. Возникает необходимость различать способ постижения истины и объяснение её существования.

А. Гатто связывает именно с появлением данного затруднения незавершённость раннего трактата [1]. Такая интерпретация позволяет объяснить, почему дальнейшее развитие картезианской философии сопровождалось исследованием метафизических предпосылок познания. Вместе с тем причинную связь между учением 1630 г. и прекращением работы над Regulae не следует считать окончательно установленным историческим фактом. Более осторожный вывод состоит в том, что учение о вечных истинах ставит вопросы метафизического обоснования, недостаточно разработанные в сохранившейся ранней программе. Прежние познавательные операции сохраняют значение, но вопрос об основаниях их достоверности приобретает самостоятельный характер.

Сопоставление Regulae и «Рассуждения о методе» показывает сохранение первоначальных требований к правильному мышлению. Во второй части Discours Декарт излагает четыре правила, предусматривающие принятие только очевидного, разделение сложных задач, последовательное движение от простого к сложному и полноту рассмотрения (AT VI, 18–19). Эти предписания соответствуют общей направленности раннего трактата. Различие состоит преимущественно в способе изложения и области применения: метод представлен как результат собственного интеллектуального опыта философа, имеющий значение для исследования различных предметов. Его универсальность не означает равенства всех наук по содержанию, но предполагает общность требований к рациональному рассуждению.

Четвёртая часть «Рассуждения» придаёт первоначальной методологической программе особую направленность. Декарт обращается к сомнению в истинности прежних убеждений и обнаруживает, что осуществление сомнения предполагает существование мыслящего субъекта. Формула je pense, donc je suis становится исходным достоверным положением (AT VI, 32–33). В Regulae знание собственного существования иллюстрировало непосредственную интеллектуальную очевидность. Теперь оно служит основанием, которое сохраняет силу после устранения прочих источников уверенности. Именно изменение функции знания о собственном существовании позволяет установить преемственность между двумя сочинениями без отождествления их исследовательских задач.

Наиболее последовательное развитие проблемы обнаруживается в первом размышлении. Декарт ставит под сомнение свидетельства чувств, а затем рассматривает возможность того, что сон нельзя достоверно отличить от бодрствования. Однако сомнение в существовании чувственно воспринимаемых предметов ещё не затрагивает необходимость простых математических отношений. Для распространения сомнения на интеллектуальное познание вводится предположение о могущественном обманщике, способном вызывать ошибку даже при рассмотрении очевидных положений (AT VII, 17–23). Такая процедура не доказывает ложности математики и не предполагает окончательного отрицания внешнего мира. Её назначение заключается в выяснении того, сохраняется ли основание доверия к человеческому разуму при наиболее радикальном сомнении.

Здесь проявляется принципиальное различие между ранним методом и зрелой метафизикой. Первоначальная программа стремилась предотвратить ошибки, возникающие вследствие неправильного порядка рассуждения, поспешности или недостаточной внимательности. В «Размышлениях» под вопрос ставится возможность ошибки даже при соблюдении требований интеллектуальной очевидности. Следовательно, затруднение больше не может

быть устранено исключительно совершенствованием познавательных операций. Возникает необходимость исследовать основания, позволяющие разуму полагаться на собственную способность различать истину и заблуждение.

Методическое сомнение при этом не становится полной заменой интуиции и дедукции. Оно выполняет самостоятельную подготовительную функцию, создавая условия для обнаружения первоначального несомненного положения. В ответах на вторые возражения Декарт специально различает аналитический и синтетический способы изложения (AT VII, 155–157). Анализ показывает путь открытия истины, позволяя читателю самостоятельно воспроизвести последовательность рассуждения. С. Твейман справедливо подчёркивает значение этой особенности построения «Размышлений» [9]. Однако аналитическая форма не сводится к психологическому описанию внутреннего опыта: она имеет логическое назначение, определяемое необходимостью обосновать первоначальные философские положения.

Во втором размышлении достоверность ego sum, ego existo обнаруживается непосредственно в акте мышления (AT VII, 25). Данное положение не следует понимать как обычное силлогистическое заключение, предполагающее предварительное доказательство общего правила о существовании всего мыслящего. Отрицая собственное существование, субъект уже осуществляет мыслительный акт, который делает отрицание несостоятельным. Тем самым достоверность cogito связана с невозможностью сомневаться в собственном бытии в момент мышления. Интуитивный характер такого знания сохраняет связь с Regulae, но его положение в метафизической аргументации существенно изменяется.

После установления первоначальной достоверности Декарт определяет себя как res cogitans — мыслящую вещь, которая сомневается, понимает, утверждает, отрицает, желает, воображает и чувствует (AT VII, 27–28). Понятие cogitatio охватывает здесь более широкий круг осознаваемых состояний, чем интеллектуальная деятельность в узком смысле. Даже при сомнительности

существования внешнего предмета сам факт соответствующего переживания остаётся несомненным. Однако отсюда ещё не следует окончательное доказательство реального различия души и тела. Достоверность собственного существования и определение онтологической природы мыслящей субстанции принадлежат различным этапам картезианской аргументации.

Значение этого разграничения особенно заметно при рассмотрении понятия substantia. В раннем методологическом проекте Декарт исследует прежде всего доступность содержаний интеллектуальному усмотрению. Зрелая метафизика обращается к вопросу о самостоятельном существовании того, что соответствует ясно воспринимаемым содержаниям. При этом онтологическое различие мышления и протяжения не выводится непосредственно из одного лишь факта cogito. Его доказательство связано с последующим обоснованием истинности ясных и отчётливых восприятий. Таким образом, переход к онтологической проблематике предполагает не устранение первоначального метода, а расширение круга вопросов, которые должны быть решены посредством рационального исследования.

В третьем размышлении Декарт замечает, что достоверность собственного существования сопровождалась ясным и отчётливым восприятием соответствующего положения (AT VII, 35). Возникает возможность сформулировать общее правило, согласно которому истинно всё воспринимаемое ясно и отчётливо. Однако отдельный достоверный познавательный акт ещё не обеспечивает окончательного обоснования универсального принципа истинности. Если сохраняется предположение о способности высшего существа вводить человека в заблуждение, необходимо исключить возможность ошибочности даже наиболее убедительных интеллектуальных представлений.

Обращение к доказательству существования Бога становится ответом на указанное затруднение. В третьем размышлении Декарт исследует происхождение идеи бесконечного и совершенного существа, опираясь на

различение формальной и объективной реальности и принцип причинной достаточности (AT VII, 40–52). Идея бесконечного не рассматривается как простое отрицание конечности. Напротив, осознание собственного несовершенства предполагает наличие представления о совершенстве, по отношению к которому определяется ограниченность человеческого существования. Вместе с тем причинное доказательство Бога уже использует интеллектуальные положения, достоверность которых должна получить окончательное обоснование.

В четвёртом размышлении проблема ошибки получает объяснение посредством различения интеллекта и воли. Интеллект предоставляет содержание возможного суждения, тогда как воля выражает согласие или несогласие. Ошибка возникает, когда воля выражает согласие с тем, что интеллект воспринимает недостаточно ясно (AT VII, 54–62). Подобная трактовка сохраняет связь с ранним требованием избегать поспешных заключений. Однако теперь правильность суждения получает метафизическое объяснение: совершенный Бог не является обманщиком, а неправомерное использование познавательных способностей связано с выходом воли за пределы ясного интеллектуального восприятия.

Сопоставление основных понятий позволяет определить характер обнаруженных изменений.

Таблица 1 — Изменение функций ключевых понятий в философии Декарта

| Понятие | Ранняя методологическая программа | Зрелая метафизическая концепция |
|---|---|---|
| Intuitus | Непосредственное усмотрение простых содержаний и необходимых отношений | Сохраняет значение для первоначальной достоверности интеллектуального восприятия |
| Deductio | Последовательное установление необходимых связей между положениями | Используется в доказательствах, истинность которых требует общего обоснования |
| Evidentia | Характеристика непосредственно доступного разуму содержания | Связывается с вопросом о надёжности интеллектуального познания |

| | | |
|---|---|---|
| Clara et distincta perceptio | Ясность и отчётливость характеризуют интеллектуальное усмотрение | Становятся основанием общего правила истинности |
| Cogitatio | Преимущественно интеллектуальная деятельность и её непосредственно постигаемое содержание | Широкая совокупность осознаваемых актов, характеризующих мыслящую вещь |
| Substantia | Не выполняет самостоятельной системообразующей функции | Приобретает онтологическое значение в учении о Боге, мышлении и протяжении |
| Сомнение | Не является универсальной процедурой обоснования познания | Используется для установления первоначальной достоверности и исследования оснований знания |

Источник: составлено по Regulae III–VI, XII; Discours II, IV; Meditationes I–VI; Principia I, 7–9, 45, 51–53.

Проблема картезианского круга обнаруживает наиболее существенное затруднение зрелой эпистемологии. В четвёртых возражениях Антуан Арно поставил вопрос о взаимной зависимости доказательства Бога и правила истинности ясных и отчётливых восприятий. Если существование Бога устанавливается посредством положений, истинность которых ещё не гарантирована, а надёжность этих положений подтверждается существованием Бога, возникает опасность логического круга. Вместе с тем признание данного затруднения не требует заранее считать картезианскую аргументацию внутренне противоречивой.

Ответ Декарта опирается на различие между актуальным ясным восприятием и воспоминанием о ранее проведённом доказательстве (AT VII, 245–246). Пока разум непосредственно усматривает необходимую связь, соответствующее положение обладает достоверностью независимо от предварительного обращения к божественной гарантии. Иная ситуация возникает после завершения рассуждения: субъект продолжает считать его результат истинным, хотя уже не удерживает в сознании основания доказательства. Метафизическое обоснование направлено на исключение сомнения, способного возникнуть при обращении к ранее установленному

знанию.

Такое объяснение позволяет разграничить два уровня достоверности. Первый относится к непосредственному интеллектуальному акту, истинность которого воспринимается субъектом как несомненная. Второй связан с сохранением обоснованности знания после завершения непосредственного рассмотрения. Следовательно, доказательство существования Бога должно обеспечить не первоначальную возможность любого ясного восприятия, а надёжность общего правила истинности и сохранение знания. Именно здесь обнаруживается преемственность между ранней проблемой непрерывности дедукции и зрелым исследованием метафизических оснований познания.

Однако различение актуального восприятия и памяти не устраняет всех затруднений. Как отмечает Дж. Аззуни, картезианская аргументация предполагает способность субъекта надёжно различать непосредственное интеллектуальное усмотрение и воспоминание о нём [7]. Если такая способность сама требует доказательства, проблема оснований достоверности оказывается сложнее первоначально предложенного решения. Поэтому ответ Декарта Арно следует рассматривать как содержательную философскую позицию, а не как окончательное устранение всех возражений относительно картезианского круга.

Значение этой проблемы выходит за пределы отдельного доказательства. В Regulae Декарт стремился уменьшить зависимость дедукции от памяти посредством непрерывного движения мысли. В Meditationes необходимость обоснования возникает именно тогда, когда ранее установленное знание должно сохранять достоверность после завершения соответствующего интеллектуального акта. Следовательно, первоначальное методологическое затруднение получает метафизическое продолжение. Ранняя программа решала вопрос о сохранении очевидности в процессе рассуждения; зрелая исследует возможность устойчивой истинности уже полученного знания.

В «Началах философии» данная проблематика получает систематизированное выражение. Декарт устанавливает место cogito среди

первоначальных философских истин, исследует существование Бога и причины ошибок, а затем уточняет различие между ясностью и отчётливостью восприятия (Principia I, 7–9, 45). Ясным признаётся содержание, непосредственно присутствующее перед внимательным умом; отчётливым — содержание, достаточно отделённое от других представлений. Это различие продолжает раннее требование интеллектуальной определённости, но включается в более широкое объяснение условий истинного суждения.

Понятие субстанции также приобретает здесь определённое метафизическое значение. В строгом смысле независимое существование принадлежит только Богу; сотворённые субстанции обладают относительной самостоятельностью, поскольку зависят от божественного могущества (Principia I, 51–53). Таким образом, картезианская онтология не сводится к утверждению двух абсолютно независимых начал. Различие мышления и протяжения устанавливается в пределах общей метафизической зависимости конечного бытия. Однако для рассматриваемой проблемы существеннее другое: переход от ясного представления соответствующих сущностей к суждениям об их реальном существовании предполагает обоснованное доверие к интеллектуальному восприятию.

Метафизическое обоснование познания не означает, что Декарт стремился заменить им конкретные процедуры естественно-научного исследования. Я. Томида показывает, что «Размышления» сохраняют связь с научной проблематикой и не могут быть исчерпывающе представлены как замкнутая дедуктивная система [5]. Первая философия устанавливает основания достоверности, но не отменяет необходимости исследовать свойства конкретных объектов. Вместе с тем универсальность картезианского метода не предполагает одинаковых требований ко всем формам человеческой деятельности. В практической сфере, как отмечают Ф. Моралес Карбонелль и Р. Гонсалес, особое значение имеет моральная уверенность, достаточная для разумного действия при отсутствии совершенного теоретического знания [10].

Сказанное позволяет определить пределы распространённого представления о Декарте как основателе философии изолированного субъекта. Достоверность мыслящего Я служит исходным основанием метафизического исследования, однако задача этого исследования не сводится к описанию внутреннего сознания. Последующая аргументация направлена на обоснование возможности знания о действительности. М. Ленц справедливо обращает внимание на ограничения историографических схем, в которых картезианская философия заранее отождествляется с индивидуалистической моделью сознания [11]. Вопрос о действительном содержании картезианской субъективности следует решать прежде всего посредством анализа собственных текстов философа, а не на основании её позднейших критических интерпретаций.

Проведённое сопоставление позволяет заключить, что развитие картезианского метода связано с изменением его философской функции. Интеллектуальная интуиция и дедукция продолжают составлять основу рационального познания, однако их успешное применение больше не рассматривается как достаточное объяснение истинности получаемых результатов. Учение о сотворённости вечных истин ставит вопрос об основании необходимости; методическое сомнение выявляет пределы непосредственной интеллектуальной уверенности; cogito служит исходным достоверным положением, а доказательства существования Бога должны обосновать общее правило истинности ясных и отчётливых восприятий.

Предложенная реконструкция не предполагает полного устранения разногласий относительно характера картезианского круга или причин незавершённости Regulae. Она позволяет установить более ограниченный, но исторически обоснованный результат: позднейшая метафизика не отменяет познавательных средств раннего метода, а исследует условия, благодаря которым их применение может приводить к истинному знанию. Следовательно, между двумя этапами существует содержательная преемственность, сочетающаяся с существенным изменением уровня философского обоснования.

**Выводы.** Исследование показало, что переход от Regulae к Meditationes не может быть удовлетворительно объяснён посредством противопоставления раннего метода и зрелой метафизики. Интеллектуальная интуиция и дедукция сохраняют основополагающее значение на последовательных этапах творчества Декарта. Изменяется прежде всего задача философского исследования: первоначальное определение способов достоверного познания дополняется выяснением оснований истинности его результатов.

Переписка с Мерсенном 1630 г. занимает существенное место в развитии этой проблематики. Учение о сотворённости вечных истин позволяет различить интеллектуальное усмотрение математической необходимости и объяснение её метафизического основания. Возникновение соответствующего вопроса предшествует «Размышлениям», вследствие чего переход к первой философии следует рассматривать как постепенное изменение исследовательских задач, а не как внезапный отказ от первоначального методологического проекта.

Анализ cogito подтверждает необходимость различать содержание первоначальной достоверности и её функцию в философской аргументации. В Regulae знание собственного существования служит примером интеллектуальной очевидности, тогда как в Meditationes оно становится исходным основанием восстановления знания после методического сомнения. Однако достоверность мыслящего Я ещё не содержит завершённого доказательства онтологической самостоятельности души и её реального различия с телом.

Проблема картезианского круга обнаруживает основное затруднение перехода от непосредственного интеллектуального усмотрения к метафизическому обоснованию знания. Различение актуальной очевидности и сохраняемой достоверности позволяет объяснить назначение божественной гарантии, но не исключает критической оценки доказательств существования Бога. Вопрос об основаниях доверия к познавательным способностям тем самым приобретает самостоятельное значение, не сводимое к правильности отдельных

интеллектуальных операций.

Научный результат исследования состоит в уточнении характера преемственности между ранней и зрелой картезианской философией. Первоначальный метод определяет порядок приобретения достоверного знания, тогда как первая философия исследует условия, позволяющие считать его истинным. Такая интерпретация объясняет сохранение основных методологических требований при существенном изменении их метафизического обоснования. Историко-философское значение этой трансформации связано с постановкой вопроса о возможности перехода от непосредственной достоверности мышления к объективно обоснованному знанию. В дальнейшем этот вопрос стал одним из центральных для новоевропейской философии.

**Список литературы**

1. Gatto A. On Why Descartes Never Completed the Regulae ad directionem ingenii // Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie. 2025. Vol. 72. No. 2. P. 381–396. URL: https://hdl.handle.net/20.500.11768/196496.

2. Федяев Д. М., Федяева Н. Д. Четвертое правило Рене Декарта: попытка прояснения смысла // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (43). С. 65–70. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-43-65-70.

3. Zellmer J. Descartes on Certainty in Deduction // Studies in History and Philosophy of Science. 2024. Vol. 105. P. 158–164. DOI: 10.1016/j.shpsa.2024.05.014.

4. Корниенко А. Г. Учение о методе Р. Декарта и конструктивистская методология образования как вариации опыта самоконструирования разума // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 4 (510). С. 104–112. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-104-112.

5. Tomida Y. Cartesian Naturalism: Natural Science in the Meditations // Cogent Arts & Humanities. 2025. Vol. 12. No. 1. Art. 2583320. DOI: 10.1080/23311983.2025.2583320.

6. Желнин А. И. Интеллект в контексте психики и сознания: диалектика первого и третьего лица // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 6–17. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-6-17.

7. Azzouni J. Descartes' Versions of the Sortability and Traceability Theses // The Anatomy of Experience: Phenomenology, Cognitive Science and Epistemology. Oxford: Oxford University Press, 2026. P. 27–42. DOI: 10.1093/9780197790151.003.0003.

8. Кянганен К. В. Проблема психической реальности до антропологического поворота: критика Х. Плеснером классических моделей психического Р. Декарта, И. Г. Фихте, Э. Маха // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. № 4. С. 471–482. DOI: 10.17072/2078-7898/2024-4-471-482.

9. Tweyman S. Trauma and Healing in Descartes' Meditations on First Philosophy: An Essay // European Journal of Social Science Education and Research. 2024. Vol. 11. No. 3. P. 94–105. DOI: 10.26417/tb7tdc79.

10. Morales Carbonell F., González R. Cartesian Know-How // The Southern Journal of Philosophy. 2025. Vol. 63. No. 4. P. 553–569. DOI: 10.1111/sjp.12615.

11. Lenz M. Taking “Descartes's Myth” Seriously: Rethinking the Rylean Narrative // The Southern Journal of Philosophy. 2025. Vol. 63. No. 2. P. 128–142. DOI: 10.1111/sjp.12619.

**References**

1. Gatto A. On Why Descartes Never Completed the Regulae ad directionem ingenii // Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie. 2025. Vol. 72. No. 2. P. 381–396. URL: https://hdl.handle.net/20.500.11768/196496.

2. Fedyaev D. M., Fedyaeva N. D. Chetvertoe pravilo Rene Dekarta: popy`tka proyasneniya smy`sla // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarny`e issledovaniya. 2024. № 2 (43). S. 65–70. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-43-65-70.

3. Zellmer J. Descartes on Certainty in Deduction // Studies in History and Philosophy

of Science. 2024. Vol. 105. P. 158–164. DOI: 10.1016/j.shpsa.2024.05.014.

4. Kornienko A. G. Uchenie o metode R. Dekarta i konstruktivistskaya metodologiya obrazovaniya kak variacii opy`ta samokonstruirovaniya razuma // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2026. № 4 (510). S. 104–112. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-104-112.

5. Tomida Y. Cartesian Naturalism: Natural Science in the Meditations // Cogent Arts & Humanities. 2025. Vol. 12. No. 1. Art. 2583320. DOI: 10.1080/23311983.2025.2583320.

6. Zhelnin A. I. Intellekt v kontekste psixiki i soznaniya: dialektika pervogo i tret`ego licza // Sovremenny`e filosofskie issledovaniya. 2025. № 4. S. 6–17. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-6-17.

7. Azzouni J. Descartes' Versions of the Sortability and Traceability Theses // The Anatomy of Experience: Phenomenology, Cognitive Science and Epistemology. Oxford: Oxford University Press, 2026. P. 27–42. DOI: 10.1093/9780197790151.003.0003.

8. Kyanganen K. V. Problema psixicheskoj real`nosti do antropologicheskogo povorota: kritika X. Plesnerom klassicheskix modelej psixicheskogo R. Dekarta, I. G. Fixte, E`. Maxa // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psixologiya. Sociologiya. 2024. № 4. S. 471–482. DOI: 10.17072/2078-7898/2024-4-471-482.

9. Tweyman S. Trauma and Healing in Descartes' Meditations on First Philosophy: An Essay // European Journal of Social Science Education and Research. 2024. Vol. 11. No. 3. P. 94–105. DOI: 10.26417/tb7tdc79.

10. Morales Carbonell F., González R. Cartesian Know-How // The Southern Journal of Philosophy. 2025. Vol. 63. No. 4. P. 553–569. DOI: 10.1111/sjp.12615.

11. Lenz M. Taking “Descartes's Myth” Seriously: Rethinking the Rylean Narrative // The Southern Journal of Philosophy. 2025. Vol. 63. No. 2. P. 128–142. DOI: 10.1111/sjp.12619.

Статья поступила в редакцию 12.08.2026; одобрена после рецензирования 24.09.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 12.08.2026; approved after reviewing 24.09.2026; accepted for publication 26.10.2026.